

ИИ в российской науке

Отчет ВШЭ «ИИ в российской науке — 2026» описывает не отдельные случаи применения искусственного интеллекта, а общую перестройку исследовательской среды. Его задача — показать, как ИИ входит в повседневную научную работу, какие практики закрепляются, где возникает новый ресурс для исследований и где, наоборот, накапливаются риски для качества результатов.

Структура документа подчинена этой логике. Сначала задается общий контекст — состояние науки и инноваций, затем вводится методика исследования, после чего следуют блоки о публикационной и изобретательской активности, о повседневном использовании ИИ-инструментов и о том, как меняются исследовательские нормы. Завершают отчет разделы, посвященные ограничениям, этическим вопросам и практическим последствиям этих изменений для академического сообщества.

Одна из значимых линий отчета — различие между публикационной результативностью и собственно изобретательской активностью. В статистических разделах авторы сопоставляют данные о публикациях, в том числе в международных базах, с показателями, связанными с

патентами и техническими решениями. Из этого сопоставления следует, что рост числа статей сам по себе не означает сопоставимого роста изобретательских результатов. Для академической среды это принципиальный вывод: привычные метрики видимости науки отражают лишь часть происходящего и не дают полной картины того, насколько исследования приводят к новым технологиям и прикладным решениям.

При этом отчет не сводится к критике публикационной модели. Его более точный вывод состоит в том, что научная работа все чаще оказывается двойственной: с одной стороны, исследователи должны поддерживать высокую публикационную активность, с другой — от них ожидают вклада в создание новых решений, продуктов и инструментов. ИИ в этой конфигурации выступает не как внешнее дополнение, а как фактор, который одновременно ускоряет научную коммуникацию и меняет способы производства знания.

Отдельный блок посвящен тому, как именно ИИ уже встроен в исследовательскую повседневность. В отчете перечисляется широкий круг инструментов — от больших языковых моделей, таких как ChatGPT, DeepSeek, Perplexity, Phind, GigaChat, YandexGPT, Gemini, KIMI, Grok и Qwen, до специализированных решений для распознавания речи, анализа изображений и работы с кодом, включая Whisper, TensorFlow, EfficientNet, ResNet, YOLO, StarDist и U-Net. Такое перечисление показывает, что разговор об ИИ в науке вышел за пределы одной-двух популярных платформ и касается целой экосистемы сервисов и библиотек.

Содержательно авторы показывают несколько устойчивых сценариев использования ИИ. Прежде всего это поиск и структурирование литературы, работа с научными текстами, подготовка черновиков и аннотаций, генерация и проверка кода, обработка данных, визуализация результатов и автоматизация отдельных рутинных процедур. В ряде фрагментов обсуждаются и более сложные сценарии, связанные с использованием архитектур TCN, LSTM, attention-моделей и Retrieval Augmented Generation, то есть с включением ИИ не только в оформление результата, но и в сам процесс анализа данных и построения исследовательской логики.

Важен аспект, хорошо просматриваемый в отчете: ИИ перестает быть специализированным инструментом только для компьютерных наук. По набору кейсов и инструментов видно, что он используется в инженерных, естественно-научных, биомедицинских и ряде других областей. Это означает, что меняется не просто технический инструментарий отдельных лабораторий, а более широкий профиль исследовательской компетентности: навыки работы с кодом, данными и ИИ постепенно становятся частью общей научной грамотности.

В отчете статистика дополняется качественным анализом. Авторы используют опросы, тематический анализ ответов и кейсы, благодаря чему в тексте заметны не только «карта инструментов», но и то, как сами исследователи описывают свой опыт: где ИИ действительно повышает продуктивность, а где создает иллюзию ускорения без реального прироста качества.

В этих разделах возникает одна из центральных тем отчета — изменение исследовательской культуры. Речь идет не только о новых технологиях, но и о перераспределении интеллектуального труда: что именно делает исследователь сам, что делегируется модели, где проходит граница между допустимой автоматизацией и подменой исследовательской

работы генерацией текста или кода. Отчет фиксирует, что эти границы пока не устоялись и в разных научных средах определяются по-разному.

С этим связан и блок рисков, который в документе разработан достаточно подробно. В разделах обсуждаются проблемы поверхностной генерации текстов, появления формально убедительных, но содержательно слабых рукописей, некритичного использования сгенерированных фрагментов, ошибок и «галлюцинаций» в ссылках и интерпретациях. Отдельно затрагиваются вопросы научной добросовестности, авторства и доверия к результатам, особенно в тех случаях, когда использование ИИ не раскрывается или не сопровождается достаточной проверкой.

Однако отчет не строится на алармизме. Наряду с рисками он показывает и продуктивные модели использования ИИ: помощь в статистическом анализе, ускорение транскрипции и обработки материала, поддержка вычислительных экспериментов, более быстрый обзор литературы и расширение возможностей междисциплинарной работы. Ключевой вывод не сводится к тому, что ИИ «угрожает» науке; скорее, документ показывает, что качество результата теперь в большей степени зависит от того, как именно встроены ИИ-инструменты в исследовательский процесс и насколько прозрачны правила их использования.

В то же время из самого текста следует и ограниченность анализа: агрегированные данные сглаживают различия между дисциплинами, а результаты опросов неизбежно чувствительны к составу выборки и исследовательскому контексту. Поэтому материалы отчета корректнее читать не как рейтинг, а как аналитическую рамку для обсуждения структурных изменений в науке. Практическая значимость отчета связана с тем, что он задает тему для обсуждения уже начавшихся изменений, помогает описать дисбаланс между публикационной и изобретательской активностью как наблюдаемую структурную проблему. Одновременно отчет систематизирует реальные практики использования ИИ в лабораториях и научных группах, делая видимыми те компетенции, которые быстро переходят в разряд базовых.

Для молодых исследователей отчет показывает, что владение ИИ-инструментами уже нельзя рассматривать как факультативный навык: речь идет о новой конфигурации научной работы, где поиск литературы, программирование, обработка данных, текстовая подготовка и визуализация все чаще проходят через цифровые платформы и генеративные модели. Но одновременно документ ясно демонстрирует и обратную сторону этой трансформации: использование ИИ требует не меньшей, а большей критичности, поскольку цена методической ошибки, некорректной интерпретации или незамеченной генеративной неточности возрастает.

Отчет помещает российские данные в международный контекст. В тексте систематически используются ссылки на Nature, Oxford University Press и работы международных авторов, что позволяет сопоставлять локальные процессы с глобальными дискуссиями об ИИ, научной продуктивности и качестве исследований. Это делает выводы документа значимыми не только для внутренней диагностики, но и как часть широкой картины трансформации науки, в которой российское академическое сообщество участвует наравне с другими.

«ИИ в российской науке — 2026» — аналитический документ о том, как меняются механизмы научного труда, критерии значимого результата и сама структура исследовательской повседневности; а также фиксации переходного состояния науки, где ИИ уже стал рабочей

реальностью, а нормы его ответственного и продуктивного использования еще только формируются.

Отчет ВШЭ «ИИ в российской науке — 2026»